

Александр УЙБО

О МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОМ ХАРАКТЕРЕ ОСНОВНЫХ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ ИСТОРИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ

Иногда говорят, что каждое поколение переписывает историю заново. По крайней мере к СССР это высказывание имеет прямое отношение — формируемая сейчас концепция советской истории на памяти автора является четвертой. Столь стремительные перемены в освещении недавнего прошлого в работах историков, учебных курсах и популярных изданиях вызывают среди широкой публики естественное недоверие к истории как к науке, а в среде профессионалов стимулируют обсуждение методологических проблем¹.

В то же время идеологи различных «народных» движений для обоснования своих программ широко привлекают отдельные исторические факты, при этом попутно создается альтернативная (непрофессиональная и некритическая) концепция истории, которая чаще всего оказывается негативом старой: что раньше изображалось в черном цвете, становится белым, и наоборот. Но все дело в том, что двух красок для отображения исторического прошлого явно недостаточно. Фальсифицированная история СССР вне всяких сомнений должна быть переписана, но это не значит, что ее место вновь должна занять интерпретация, исходящая из сиюминутной политической конъюнктуры.

Пора же наконец признать, что главная задача ученого, в том числе ученого-обществоведа, состоит в открытии истины, а не в обслуживании классовых, национальных и прочих групповых интересов, к тому же часто превратно толкуемых различными идеологами. Судить об истинности и объективности научной работы могут только профессионалы, а не политические функционеры, художники или писатели. Нынешняя перестройка дает последний шанс и исторической науке, которой еще предстоит создать объективно-истинную, научно обоснованную картину нашего прошлого, раскрыть причины и механизмы общественных процессов, приведших к тем результатам, что мы имеем. А это значит, что в анализе нуждаются и методологические вопросы исторического познания. Методология истории должна быть пересмотрена таким образом, чтобы, с одной стороны, свести к минимуму воздействие личных и групповых пристрастий на результаты познания, а с другой — выделить процедуры получения обоснованного, научно-объективного исторического знания. На наш взгляд, в основу новой методологии истории должен быть положен междисциплинарный подход².

Идея междисциплинарности получила признание и распространение в исторической науке в послевоенный период, прежде всего в США, как методологическое требование использовать в работе с историческими источниками методы и теоретические положения, заимствованные из

¹ В подтверждение этой мысли сошлюсь на опыт 60-х годов, когда хрущевская оттепель вызвала целую волну публикаций по философии и методологии истории. См., напр.: *Кон И. С.* Философский идеализм и кризис буржуазной исторической мысли. М., 1959; *Грушин Б. А.* Очерки логики исторического исследования. М., 1961; *Гулыга А. В.* О характере исторического знания // *Вопр. философии*, 1962, № 9, 28—38; *Философские проблемы исторической науки*. М., 1969; *Источникведение. Теорет. и метод. проблемы*. М., 1969; и др.

² О различных понятиях дисциплинарного и междисциплинарного см.: *Мирский Э. М.* Междисциплинарные исследования и дисциплинарная организация науки. М., 1980; *Смирнов С. Н.* Некоторые тенденции развития междисциплинарных процессов в современной науке // *Вопр. философии*, 1985, № 3, 74—84; *Огурцов А. П.* Дисциплинарная структура науки, ее генезис и обоснование. М., 1988; и др.

социологии, психологии, демографии, математической статистики, географии, экономики и т. п. Особенно широко применялись математические методы и модели, в том числе компьютерное моделирование, в «новой экономической истории», в «новой политической истории», в «новой городской истории» и т. д., что привело к появлению нового типа исторического исследования — т. н. научной истории или клиометрии³. Характеризуя последнюю, Р. У. Фогель, один из крупных историков-клиометристов, выделил следующие основные различия между традиционной и новой историей. «Традиционные» историки интересуются преимущественно отдельными индивидами, институтами, идеями и неповторяющимися событиями; те из них, кто пытается объяснить коллективные явления, только в ограниченной степени используют эксплицитные поведенческие модели и обычно из принципа опираются на письменные свидетельства. Клиометристы склоняются к изучению коллективов индивидов, типов институтов и повторяющихся событий; их объяснения часто включают эксплицитные поведенческие модели и в своей работе они опираются главным образом на количественные свидетельства⁴.

Значительное место в «новой истории» на Западе занимает психология, которая базируется на применении в исторической науке социально-психологических, прежде всего психоаналитических (З. Фрейд, Э. Эриксон) концепций⁵. При этом ведущая роль в историческом процессе отводится отдельным индивидам, а в становлении индивидов главное место занимает детское (по Фрейду) или юношеское (по Эриксону) развитие. Математический аппарат в этих исследованиях сколько-нибудь значительных функций не выполняет.

Наконец, говоря о междисциплинарной истории, нельзя не упомянуть о таком значительном направлении, как французская группа «Анналов» (Л. Февр, М. Блок, Ф. Бродель и др.). Указанное направление, сложившееся еще в 30-е годы, внесло большой вклад в расширение поля исследований исторической науки за счет вовлечения в него данных других наук о человеке, т. е. в синтез исторического и социально-гуманитарного знания. Как характеризовал данный подход в предисловии к своей капитальной работе «Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV—XVIII вв.» Ф. Бродель, «... лишь история способна объединить все науки о человеке, помочь им связать воедино их объяснения, наметить некую междисциплинарную общественную науку... общественные науки, по моему мнению, не могут дать плодотворных результатов, если исходят только из настоящего, которого недостаточно для их построения. Они должны вновь обрести и использовать историческое измерение»⁶.

Указанные тенденции распространения междисциплинарного подхода отмечаются и в советской исторической науке, особенно в области количественных методов, где заметных результатов достигла школа Ковальченко. Большой интерес вызывают работы К. В. Хвостовой по истории Византии, где сделана попытка выразить некоторые исторические закономерности с помощью дифференциальных уравнений, работы по компьютерному моделированию и т. п. Следует отметить, что в СССР

³ См. об этом: *Гаджиев К. С., Сивачев Н. В.* Проблемы междисциплинарного подхода и «новой научной» истории в современной американской буржуазной историографии // *Вопр. методологии и истории исторической науки*, вып. 2. М., 1978; *История США*, 4. М., 1987, 693—696; *Fogel, R. W.* "Scientific" history and traditional history // *Logic, Methodology and Philosophy of Science*, VI. Warszawa, etc., 1982; и др.

⁴ *Fogel, R. W.* "Scientific" history, 28.

⁵ См.: *New Directions in Psychohistory*. Toronto, 1980. Отметим, что обратиться к психологии как к теоретической основе исторической науки советовали уже в прошлом веке. См., напр.: *Лакомб П.* Социологические основы истории. СПб., 1895, 30 и след.

⁶ *Бродель Ф.* Структуры Повседневности: возможное и невозможное. М., 1986, 30.

математические методы в историческом исследовании впервые были применены эстонскими историками — Ю. Ю. Кахком и Х. М. Лиги⁷. Широко применяются физико-химические методы в археологии, палеоантропологии, истории первобытности и других областях исторического познания⁸.

В то же время идея междисциплинарности не нашла еще соответствующего отражения в методологии истории, которая во многом продолжает опираться на устаревшие подходы к природе научного и исторического познания, фиксируя главным образом результаты деятельности историка, а не «результат вместе со своим становлением». Новая методология, по нашему убеждению, должна полнее раскрыть структуру и генезис исторического знания, показать место и роль идеологии, философии и научных дисциплин в его становлении, определить пути, ведущие к повышению научного уровня исторических исследований. Поэтому, наряду с изучением и обобщением реальных процессов внедрения междисциплинарности в исторических науках, другим источником развития междисциплинарной методологии может и должно стать применение в ней общенаучных подходов и методологических принципов (информационного, системного и т. п.). И, наконец, нужно пересмотреть унаследованные от позитивизма методологические стереотипы, в частности такую практику создания общеметодологических концепций и категорий, когда наука отождествляется с физикой или, в лучшем случае, с математизированным естествознанием.

Итак, переходя к анализу междисциплинарных проблем методологии истории, необходимо прежде всего определить место истории в системе научных дисциплин: является ли она (история) наукой, и если да, то дает ли она знание такого же качества, как физика, химия и другие дисциплины? (от ответа на этот вопрос зависит сама возможность применения междисциплинарного подхода). Позиция, занимаемая автором по этой проблеме, которая в рамках данной статьи будет дана без доказательств, кратко сводится к следующим пунктам: 1. Современная историческая наука представляет собой одну из равноправных научных дисциплин, которая, обладая определенной спецификой, способна давать результаты, удовлетворяющие общим критериям научности. 2. Результатом научного исторического исследования являются теории, представляющие собой одну из специализированных форм научной теории⁹.

При этом теория понимается в широком смысле — как система знаний с иерархически организованной структурой; генезис и функционирование теории определяются рядом относительно самостоятельных детерминантов. Анализ этих детерминантов показал, что в составе научной теории можно выделить базисный и производный уровни. Базисный уровень состоит не только из эмпирически устанавливаемых данной дисциплиной фактов, но и из положений, почерпнутых из других обла-

⁷ См.: Кахк Ю., Лиги Х. К вопросу об экономическом положении и феодальных повинностях крестьян в Эстляндской губернии в XVIII в. (Опыт применения электронно-счетных машин в историческом исследовании) // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы — 1962. Минск, 1964, 43—58. См. также: Ковальченко И. Д., Милов Л. В. Всероссийский аграрный рынок. XVIII — начало XX в. (Опыт количественного анализа). М., 1974; Хвостова К. В. Количественный подход в средневековой социально-экономической истории. М., 1980; Гусейнова А. С., Павловский Ю. Н., Устинов В. А. Опыт имитационного моделирования исторического процесса. М., 1984; Математические методы и ЭВМ в исторических исследованиях. М., 1985; и др.

⁸ См., напр.: Археология и естественные науки. М., 1965; Алексеев В. П. Историческая антропология. М., 1979; Матюшин Г. Н. У истоков человечества. М., 1982; Новые методы археологических исследований. Киев, 1982; Человек и окружающая среда в древности и средневековье. М., 1985; Методы естественных наук в археологии. М., 1987; и др.

⁹ Обоснование этих положений см.: Уйбо А. С. Теория и историческое познание. Таллинн, 1988.

стей познавательной деятельности — конкретных наук, логики, математики, философии и т. д. — и включает фактологический, конструктивный и нормативный базисы.

Фактологический базис содержит информацию о предметной области научной теории, т. е. факты, которые она объясняет. Чем шире этот базис, тем более универсальный характер имеет данная теория, объединяя разнородные по видимости явления при помощи единых законов и принципов.

Исчисления, логические средства, при помощи которых факты и другие элементы научной теории соединяются в единое целое, образуют ее конструктивный базис. Условием создания теории во всех случаях выступает логическая согласованность ее элементов, когда высказывания, фиксирующие принципы, теоретические законы, методологические предписания и факты связаны отношениями логического следования. Если внутритеоретические отношения могут быть представлены в виде системы уравнений, при построении теории используются математические исчисления.

Научная теория предполагает не только внутреннюю, но и внешнюю согласованность, т. е. она не должна противоречить некоторым общепризнанным теориям и постулатам. Положения, заимствованные из других научных теорий, философии, идеологии и т. п., в соответствии с которыми строится данная теория, образуют нормативный базис; они могут входить в состав теории в виде принципов, аксиом и т. д., а могут выступать и в имплицитной форме в качестве запретов или условий при построении теории. Базисный уровень научной теории можно охарактеризовать как условия ее создания и проверки, но не менее существенным в становлении научной теории является производный уровень, состоящий из правил оперирования и онтологической схемы.

Одна из главных задач любой теории состоит в поисках ответа на вопрос: «Что же происходит на самом деле?», т. е. задача раскрытия сущности охватываемых теорией явлений. Онтологическая схема и представляет собой систему высказываний, фиксирующих основные элементы отображаемой в теории области реальности, их взаимодействие и/или генезис. Положения онтологической схемы выступают (явно или неявно) в качестве законов и принципов данной теории и представляют собой своеобразную модель сущностных отношений ее предметной области. Онтологическая схема — центральный компонент теории, в котором в «свернутом» виде дано ее основное содержание.

Связь онтологической схемы научной теории с ее базисным уровнем и прежде всего с фактами осуществляется с помощью правил оперирования, которые указывают, какие действия следует производить с носителями информации, чтобы получать факты, входящие в состав данной теории, т. е. факты, которые согласуются с онтологической схемой. Сюда относятся методика экспериментальных процедур, логические и математические методы обработки полученных показателей, правила решения задач, измерения и т. п. Основное назначение правил оперирования — преобразование чувственно данного в факты теории, и наоборот.

Итак, научную теорию можно представить как целостную систему со следующими компонентами: 1) онтологическая схема, 2) правила оперирования, 3) конструктивный базис, 4) нормативный базис и 5) фактологический базис. В зависимости от объекта познания и его целей при изложении теорий на первый план выходят те или иные их компоненты, образуя различные специализированные формы научных теорий, тогда как другие компоненты могут вовсе не проявляться. Например, в естественнонаучных теориях ведущая роль принадлежит онтологическим

схемам, а в исторических — фактологическому базису; философские концепции (в той мере, в какой они относятся к науке) можно рассматривать как редуцированную форму теории, а математику и логику — как конструкционный базис в чистом виде (хотя первоначально, как известно, и они базировались на эмпирических наблюдениях).

Если конкретно брать исторические теории, то в их структуре присутствуют все вышеназванные компоненты, в процессе взаимодействия последних и развивается историческое познание. С точки зрения междисциплинарных связей было бы небезынтересно проследить роль других научных дисциплин в формировании компонентов исторической теории, имея, конечно, в виду, что синтез самой теории остается прерогативой историков.

Но сначала несколько слов о специфике исторических теорий. С тех самых пор, как началось исследование методологических (гносеологических, эпистемологических) проблем исторического познания, возникло и продолжает существовать направление, которое можно назвать автономизмом. Автономисты утверждают, что познание исторического прошлого в принципе отличается от познавательных процессов в других, прежде всего естественных науках (постулат принципиальной специфики), а потому применение общенаучных методов и критериев в исторической науке бесполезно или даже вредно. Обосновывается этот постулат ссылками на особую природу духовных процессов, составляющих предмет истории; часто к ним добавляется аргументация о ненаблюдаемости исторического прошлого.

В зависимости от формы автономизма отсюда делался вывод либо о необходимости разработки и применения для получения истинного исторического знания особых познавательных процедур (В. Дильтей, Р. Коллингвуд, Л. Голдштейн и др. конструктивисты), либо вообще отрицалась объективность исторического знания (Ч. Бирд, К. Беккер, Р. Аткинсон и др. релятивисты)¹⁰. В любом случае из постулата принципиальной специфики исторического познания вытекает неприемлемость междисциплинарного подхода для исторической науки, так как принципиально разнородные познавательные формы просто не могут взаимодействовать.

Марксистский подход к методологии истории, как известно, базируется на принципе материального единства мира и утверждает принципиальное единство естественнонаучного и социально-исторического познания. Такое единство служит философским обоснованием и междисциплинарных связей, существующих между различными познавательными сферами. В то же время единство не есть тождество, и не подлежит сомнению, что существуют различия, обусловленные несовпадением предметных областей, методов и целей в отдельных научных дисциплинах. Проблемы единства научного познания и специфики отдельных его отраслей диалектически взаимосвязаны: первая встает тогда, когда зафиксированы различия в отдельных дисциплинах, вторую правомерно рассматривать после того, как в данной дисциплине определены общие признаки научного познания. Как показывает история философии, абсолютизация любой из сторон этого взаимодействия методологически несостоятельна: позитивистская концепция «единой науки» оказалась столь же далекой от реальной практики научных исследований, как и упомянутые выше автономистские модели¹¹.

Общее решение проблемы специфики исторического познания, при признании его принципиального единства с познанием естественно-

¹⁰ Уйбо А. С. Теория и историческое познание. 152—155, 191—194.

¹¹ Критику позитивистской модели науки см.: Швырев В. С. Неопозитивизм и проблема эмпирического обоснования науки. М., 1966; Suppe, F. The search for philosophic understanding of scientific theories // The Structure of Scientific Theories. Urbana, etc., 1977, 62—118; и др.

научным, представляется нам следующим. Единство выражается в том, что научное историческое познание осуществляется в той же когнитивной форме, а именно — в форме научной исторической теории, обладающей в принципе той же структурой, что и теория естественнонаучная. Поэтому к историческим теориям применимы те же основные критерии научности, что и в других областях науки, — объективность, проверяемость, логическая непротиворечивость и др. Специфику же исторического познания следует искать в его целях и соответственно в форме изложения результатов познавательной деятельности. Естественнонаучное познание ориентировано преимущественно на открытие законов, его результаты — естественнонаучные теории — представляют собой описание онтологических схем, обычно в виде систем уравнений, а другие компоненты образуют скрытую, невыраженную часть теории, выполняющую вспомогательную роль.

Историческое познание, напротив, ориентировано в первую очередь на открытие цепи фактов, исторические теории обычно формулируются как описание фактологического базиса, а скрытую часть теории образуют ее онтологическая схема и другие компоненты. Таким образом, естественнонаучные и исторические теории по своей структуре как бы развернуты в противоположные от наблюдателя стороны, что и служило основанием для их противопоставления. Однако точно так же, как для получения и проверки онтологической схемы в естественнонаучной теории необходимо применение всех других компонентов теории, оно необходимо и для получения и проверки фактологического базиса в исторической теории, т. е. и в том и другом случае имеет место применение одной и той же познавательной формы. Поэтому специфика исторического познания не может служить препятствием для его междисциплинарного взаимодействия с другими научными дисциплинами.

*

Перейдем теперь к анализу конкретных форм междисциплинарности в историческом познании, имея в виду, что основной из них является проникновение в структуру исторических теорий элементов других научных теорий, т. е. своего рода междисциплинарная диффузия, и что этот процесс имеет свои онтологические и гносеологические основания¹². По традиции начнем с исторических источников, которые образуют одно из важнейших условий существования исторической науки. Применение информационного подхода, основывающегося на концепции социальной памяти, разработанной Я. К. Ребане¹³, позволило автору обосновать понятие исторического источника как объекта-носителя информации о прошлом человечества, а также предложить типологию исторических источников. Последние можно разделить на три типа:

- 1) языковые — письменные, устные и прочие знаковые источники;
- 2) вещественные — орудия и продукты труда, все те вещи, которые возникли и изменились в процессе деятельности и жизнедеятельности человека;
- 3) поведенческие — социальные отношения в широком смысле, особенности бытовой культуры, обряды, обычаи и т. п.¹⁴

¹² Подробнее об этом см.: Уйбо А. С. Реконструкция исторического прошлого как междисциплинарная задача // Уч. зап. Тартуск. ун-та (в печати).

¹³ См.: Ребане Я. К. Принцип социальной памяти // Филос. науки, 1977, № 5, 94—104; Ребане Я. К. Информация и социальная память: к проблеме социальной детерминации познания // Вопр. философии, 1982, № 8, 44—54.

¹⁴ См.: Уйбо А. С. Информационный подход к типологии исторических источников // Уч. зап. Тартуск. ун-та, 1982, вып. 599, 63. См. также: Уйбо А. С. Информационный подход к проблеме объективности реконструкции исторического прошлого // Филос. науки, 1982, № 1, 33.

Как известно, значимая информация возникает при взаимодействии структурной информации объекта-носителя с тезаурусом получателя и, следовательно, при изменении составляющих она также есть величина переменная¹⁵. Историческое познание связано с двумя противоположными тенденциями, влияющими на объем информации о прошлом: разрушение структурной информации исторических источников в результате действия энтропийных процессов и расширение тезауруса исследователей благодаря развитию науки и практики человечества. При этом вторая тенденция действует намного сильнее, что и позволяет говорить о развитии исторической науки.

Более конкретно исторический факт как единица информации о прошлом человечества зависит не только от структурной информации исторических источников, но и в немалой степени от правил оперирования, нормативного и конструкционного базисов, при помощи которых «перерабатывается» эта структурная информация. Иными словами, любой исторический факт существует в определенной системе предпосылок, т. е. «отягощен» теорией, и из одних и тех же источников могут извлекаться различающиеся факты.

Сам же исторический факт является логическим выводом из этих предпосылок по схеме «модус поненс», т. е. достоверность исторического факта зависит от истинности каждой из предпосылок. Отсюда следует, что основной линией развития исторической науки при работе с источниками можно считать разработку методов, позволяющих использовать при получении исторических фактов новые уровни структурной информации и соответственно предпосылки, истинность которых самостоятельно апробирована. Совокупность этих методов и образует правила оперирования, применяемые при создании той или иной исторической теории, а предпосылки представляют собой главным образом междисциплинарные заимствования в виде некоторых закономерностей и методов, полученных и апробированных в естественных, социальных, лингвистических и др. дисциплинах.

Так, факты убийства Наполеона или шведского короля Эрика XIV представляют собой логические выводы по схеме:

Если X был отравлен, то в его волосах есть следы яда.

В волосах X найдены следы яда.

Следовательно, X был отравлен.

Наличие яда (мышьяка, ртути) при этом было установлено с помощью метода радиоактивационного анализа, поэтому истинность исторических фактов зависит от истинности физических и химических теорий, лежащих в основе указанного метода, равно как и от истинности медико-биологических теорий, объясняющих происхождение повышенного содержания тех или иных элементов в организме человека или в его останках и т. д.

Подобным же образом факт общности происхождения индейцев, эскимосов, алеутов, нивхов, чукчей и др. фиксируется, например, на основе общности максимума задних согласных в соответствующих языках¹⁶, а факт местного источника этногенеза кавказских народов выводится из сходства морфологических особенностей, установленного палеоантропологическими методами при работе с ископаемыми останками людей¹⁷. Здесь, как и во многих других случаях, истинность

¹⁵ См. об этом: Шрейдер Ю. А. О количественных характеристиках семантической информации // Научно-техническая информация, 1963, № 10, 35.

¹⁶ Никонов В. А. Этногенез и фонетика // Проблемы типологии в этнографии. М., 1979, 50—52.

¹⁷ Алексеев В. П. Палеоантропология и история // Вопр. истории, 1985, № 1, 32—36.

предпосылок, заимствуемых из других научных дисциплин и образующих нормативный базис данной исторической теории, определяет и истинность исторических фактов. Точно так же зависит последняя и от правил оперирования, используемых при переработке структурной информации, также в большинстве случаев обладающих междисциплинарным происхождением, и от правильного использования математического аппарата при работе с массовыми источниками и т. д.

Тем самым уже сам процесс обработки структурной информации исторических источников с целью формирования фактологического базиса исторической теории имеет междисциплинарную природу и, в зависимости от типа источника, в большей или меньшей степени связан с применением положений и методов, заимствуемых из лингвистически-филологических, естественнонаучных, социально-демографических и других научных дисциплин; проблема же исторического факта выступает в первую очередь как проблема нахождения, адаптации и применения новых междисциплинарных методов при работе с историческими источниками.

*

Как известно, установлением фактов реконструкция исторического прошлого не заканчивается, и следующая задача исследователя заключается в том, чтобы составить связное описание изучаемых исторических процессов на основе исторических фактов, т. е. создать собственно историческую теорию¹⁸. Основная возникающая здесь трудность состоит в необходимости сочетать фактологический материал с так называемым внеисточниковым знанием¹⁹, а именно устанавливать иерархию исторических фактов по их значимости, производить селекцию фактов, вводить причинно-следственные отношения между историческими событиями и процессами и т. п., т. е. производить отбор и организацию фактологических данных в соответствии с некоторыми положениями, истинность которых не верифицирована на материале изученных исторических источников.

Роль этих «внеэмпирических» положений в структуре исторического знания впервые была со всей полнотой осознана крупными американскими историками К. Беккером и К. Бирдом; в своих методологических работах 20—30-х годов они убедительно показали неизбежность применения в исторических исследованиях определенных схем, концепций, положений, в соответствии с которыми отбираются и организуются исторические факты²⁰. К сожалению, природа этих схем не могла быть в то время адекватно исследована, и их явно неэмпирическое происхождение привело К. Беккера и К. Бирда к выводу о произвольном, субъективном характере любых организационных схем исторического познания и, как следствие, к провозглашению исторического знания в целом зависимым от субъективных факторов, необъективным. В значительной мере исторический скептицизм К. Беккера и К. Бирда базировался на несоответствии их модели исторического познания позитивистской модели познания научного, которая, как считалось, выполняется в естественных науках²¹.

С другой стороны, по тем же причинам сформировалось и противоположное направление современной западной философии истории —

¹⁸ Подробнее об исторических теориях см.: *Уйбо А. С.* Теория и историческое познание, ч. II.

¹⁹ См.: *Topolski, J.* Methodology of History. Warszawa, etc., 1976, 401—417.

²⁰ См.: *Becker, C. L.* What are historical facts? // *The Philosophy of History in Our Time.* New York, 1959; *Beard, Ch. A.* Written history as an act of faith // *The Philosophy of History in Our Time.*

²¹ На это, в частности, обращалось внимание в кн.: *Strout, C.* The Pragmatic Revolt in American History. New Haven, 1959.

исторический объективизм, представители которого отрицали наличие в структуре исторического познания внеэмпирических компонентов, утверждая, что последовательность фактов в историческом повествовании не зависит от деятельности историка, а отражает объективную природу исторических событий²². Однако с этих позиций невозможно объяснить существование различающихся и альтернативных исторических теорий.

Таким образом, проблема происхождения и роли внеэмпирических компонентов исторического знания в рамках буржуазной философии истории не нашла рационального решения, что препятствует решению и всех других методологических проблем исторической науки²³.

Сразу же отметим, что единого понимания сути указанной проблемы нет и в марксистской философии и методологии истории. Традиционный подход здесь отдавал сферу теоретического историческому материализму, оставляя за исторической наукой роль служебной, прикладной дисциплины, призванной проиллюстрировать на эмпирическом материале неизбежные истины законов истории, заранее известных из произведений классиков, особенно из «Краткого курса истории ВКП(б)». Конечно, становление этого подхода было обусловлено политическими реалиями, в рамках которых существовало советское общественное сознание, в рамках которых существовало советское общественное сознание, и указанных позиций в той или иной мере продолжают придерживаться некоторые современные исследователи²⁴, но это не отменяет его теоретической несостоятельности²⁵.

В самом деле, если исторический материализм может самостоятельно открывать и формулировать исторические законы, к чему тогда историческая наука? С другой стороны, в самой исторической науке существовали и существуют направления, которые и без исторического материализма добились значительных научных результатов. Все это лишнее раз показывает, что природа взаимоотношений историографии и социологии намного сложнее упрощенной схемы «эмпирическое—теоретическое». Более конструктивно, на наш взгляд, рассматривать их как взаимодействие теорий разного уровня, когда социология в качестве элементов своего фактологического базиса использует факты, установленные историческими теориями, а отдельные положения социологии вовлекаются в процесс формирования исторической теории, образуя элементы ее нормативного базиса²⁶.

В целом мы предлагаем рассматривать внеэмпирические компоненты исторического знания как структурные компоненты исторических теорий, а механизм их формирования исследовать сквозь призму междисциплинарных взаимодействий. В этом случае получают рациональное объяснение не только роль исторического материализма или другой общесоциологической теории в генезисе исторического знания, но и взаимосвязь последнего с уровнем развития научного знания эпохи, а также зависимость, существующая между познанием прошлого и современностью.

В качестве одного из этих компонентов выступает нормативный базис исторической теории — система наиболее общих предпосылок, фиксирующих сложившиеся на данном этапе представления об источ-

²² Mandelbaum, M. The Problem of Historical Knowledge. An Answer to Relativism. New York. 1938, 200, 270—271.

²³ Подробнее об этом см.: Уйбо А. С. Буржуазный объективизм и проблема объективности исторического познания // Уч. зап. Тартуск. ун-та. 1984. вып. 695, 141—155.

²⁴ См., напр.: Ирибаджаков Н. Клио перед судом буржуазной философии. М. 1979: 202—203; Петров Ю. В. Практика и историческая наука. Томск, 1981, 372—376; Александров В. Б. Культура и историческое познание. Калинин, 1986, 8—11; и др.

²⁵ Подробный анализ этого подхода см.: Уйбо А. С. Существуют ли исторические теории? // Уч. зап. Тартуск. ун-та. 1988. вып. 829, 119—137.

²⁶ Подробнее см.: Уйбо А. С. Теория и историческое познание, 97—100.

никах, механизмах и перспективах социально-исторического развития. В соответствии с нормативным базисом формируется онтологическая схема исторической теории, в определенной мере ее фактологический базис, а также выбирается конструктивный базис, поэтому анализ генезиса и состава нормативного базиса исторической теории имеет важнейшее значение.

Как уже отмечалось выше, одним из важнейших элементов нормативного базиса выступают законы и принципы, заимствуемые из общесоциологических теорий, таких как исторический материализм и другие. Эти законы (например, закон соответствия производственных отношений характеру производительных сил, закон классовой борьбы и др.), применяемые к истории в целом или к ее отдельным этапам, создают как бы рамки, внутри которых разворачивается действие исторических процессов, разумеется, когда речь идет о марксистской историографии.

Но и в тех случаях, когда историческая теория не связана прямо с конкретными социальными теориями, ее нормативный базис включает тем не менее некоторые общесоциологические положения, характеризующие источники и механизмы социальных изменений. Так, прежде чем приступить к исторической реконструкции, историк должен решить, являются ли действия людей результатом их свободного волеизъявления или подчиняются определенным законам, а если признаются закономерности исторического развития, то какая сфера (духовная, биологическая, экономическая, географическая и т. п.) законосообразности оказывается ведущей, определяющей; действуют ли люди обдуманно, рационально или их поведением управляют инстинктивные, бессознательные силы; определяется ли деятельность социальных групп суммой действий составляющих ее индивидов или, напротив, деятельность индивида производна от его места в группе и от законов, управляющих социальным целым; и т. д. и т. п.²⁷

И понятно, что искомая система основных характеристик функционирования и изменения деятельности человеческих коллективов не может быть ни произвольно создана, ни сформулирована на базе исторических источников, а должна отражать результаты специальных исследований, предпринимаемых в таких областях познания, как социальная философия, социальная психология, общая социология, социология групп, гносеология, социология познания, биология популяций, генетика человека и т. п. Создание такой системы в реальности выходит за пределы возможностей историка, поэтому, как уже отмечалось, обычно в качестве одного из элементов нормативного базиса исторической теории используется та или иная социально-философская концепция, в принципе отражающая определенный уровень познания человека и общества специальными дисциплинами, равно как и определенный уровень развития материальной практики.

Здесь важно подчеркнуть, что научная историография может опираться только на научный нормативный базис и что последний обладает междисциплинарной природой, т. е. он не может быть создан без обращения к результатам научных дисциплин, занятых изучением человека и среды его обитания. Например, если речь идет о происхождении человечества, то используют теоретические положения генетики, биологии, геологии, радиологии и т. д., как и поступил советский исследователь Г. Н. Матюшин, создавая свою теорию антропогенеза²⁸. И именно потому, что его теория в значительной мере базируется и на результа-

²⁷ О некоторых из этих проблем см.: The Philosophy of Social Explanation. Oxford, 1976; Mandelbaum, M. The Anatomy of Historical Knowledge. Baltimore—London, 1977, ч. II.

²⁸ См.: Матюшин Г. Н. Как возникло человечество; Матюшин Г. Н. Комплексный подход к проблеме антропогенеза // Познание исторического процесса в археологии. М., 1988.

тах других научных дисциплин, а не только на данных археологии и антропологии, уровень доказательности выводов данной теории на порядок выше, чем в традиционных концепциях антропогенеза. А учитывая лимитированную источниковую базу исторической науки (особенно если речь идет о ранних периодах человеческой истории), можно даже сказать, что чем шире нормативный базис исторической теории, тем выше уровень ее научности, поскольку выводы этой теории согласуются не только с историческими фактами, но и с независимо полученными результатами других научных дисциплин.

Иными словами, нормативный базис исторической теории (как и правила оперирования, о чем речь шла выше) служит тем каналом междисциплинарной диффузии, который связывает историческое познание с современностью и через который в историческую теорию поступают теоретические результаты других научных дисциплин.

Тем самым получают рациональное объяснение и те метаморфозы, которые претерпевает историческое знание во времени. Хотя исторические события и источники и не меняются, изменяются средства познания, находящиеся в распоряжении историка, а также система знаний об общих закономерностях функционирования и развития человеческих коллективов, равно как и известные законы природы. Возвращаясь к примеру с теорией антропогенеза, можно ясно выделить отмеченную роль нормативного базиса: до открытия радиоактивности, создания генетики и обнаружения мутагенного действия радиации теория Матюшина не могла быть создана; с появлением же вышеуказанных естественнонаучных теорий открылась возможность использовать их результаты для формирования онтологической схемы научного объяснения начала человеческой истории.

Подобным же образом любые крупные теории, затрагивающие социальные, экономические или биологические условия существования человечества, благодаря междисциплинарной диффузии раньше или позже достигают исторической науки и воздействуют на реконструкцию исторического прошлого. И в этом плане исторические теории отличаются от других теоретических форм разве что большей степенью междисциплинарности, поскольку в первых должны найти отражение закономерности различных уровней самоорганизации материи, детерминирующие исторические процессы (природные, биологические, экономические, социальные, психологические, идеологические и др.). В идеале и, как мы надеемся, в перспективе нормативный базис исторической теории должен включать только положения, истинность которых признана в рамках какой-либо научной теории.

Что же касается «ценностей», «принципов», «идеалов» и прочих установок обыденного сознания, которые, конечно, присущи каждому человеку, то они играют свою роль в научном, в том числе и историческом, познании, стимулируя ту или иную личность к занятиям наукой, определяя направление научных интересов, способствуя или препятствуя достижению определенных результатов и т. п. Однако как личные или групповые пристрастия химика не могут влиять на описание открытой им химической реакции, так и личные или групповые интересы историка не должны влиять на описание исторических процессов, которые еще менее зависят от действий исследователя. Поэтому введение ценностных (классовых, партийных, национальных и т. п.) приоритетов в состав нормативного базиса исторических теорий вело и ведет к искажениям и прямой фальсификации истории, в чем мы имеем возможность убедиться на практике.

Еще один слой в составе нормативного базиса, от которого следует избавляться, — это т. н. истины здравого смысла, которыми часто подменяются определенные научно обоснованные положения и выводы.

Здравый смысл, как система представлений о «правильном» поведении человека, при тех или иных обстоятельствах базируется в первую очередь на моделях практического действия, принятых в конкретной социально-исторической среде, и обобщает уровень мотивации, присущий данному индивиду.

В сущности в основе большинства выводов «здравого смысла» лежит следующая квазилогическая конструкция²⁹:

Мои представления о мире — самые правильные.
Если бы я был в ситуации типа *C*, то сделал бы *X*.
Следовательно, в ситуации типа *C* следует делать *X*.

Очевидно, что использование подобных выводов в качестве элементов нормативного базиса исторической теории — потенциальный источник ошибочных умозаключений при формировании последней, хотя иногда эти выводы и могут приводить к полезным результатам. Историки вынуждены прибегать к здравому смыслу в тех случаях, когда закономерности, фиксирующие тот или иной уровень социально-исторической детерминации, им не известны либо когда такие закономерности вообще не исследовались. Здравый смысл в этих случаях выступает как суррогат специального исследования; по мере развития науки истины здравого смысла будут все больше уступать место научным истинам. В целом можно отметить, что максимальное использование результатов науки в процессе междисциплинарного синтеза нормативного базиса исторической теории — один из важнейших источников развития исторического познания.

*

Рассмотрим теперь еще один «внеэмпирический» компонент исторической теории — онтологическую схему — с точки зрения ее междисциплинарного происхождения. Онтологическая схема исторической теории представляет собой систему высказываний, фиксирующих основные элементы исторического процесса, их устойчивые взаимосвязи и источники развития. Иначе говоря, онтологическая схема должна ответить на вопрос — какие «силы» лежат в основе тех изменений, которые на уровне фактов отражаются фактологическим базисом данной исторической теории? Понятно, что формируется эта схема под воздействием и фактологического, и нормативного базисов, обобщая, с одной стороны, результаты исследования исторических источников (исторические факты), а с другой — привлекая для изучения прошлого весь современный комплекс знаний о природе и человеке в виде научных и философских законов и принципов.

Именно через онтологическую схему, посредством которой исторические факты организуются в систему (историческую теорию), между элементами которой установлены определенные связи, осуществляется реальное воздействие междисциплинарной диффузии на реконструкцию исторического прошлого. Сами по себе законы и принципы, полученные в тех или иных научных дисциплинах, не могут влиять на описание исторического прошлого. Такое влияние возникает, когда эти результаты попадают в сферу интересов историков и, будучи признанными ими, становятся элементами нормативного базиса вновь создаваемых исторических теорий. В этом случае под воздействием новых норматив-

²⁹ Ср.: Drey, W. H. *Laws and Explanation in History*. London, 1957, 122—132. Последнее высказывание, полученное, правда, из других посылок, Дрей называет «принципом действия» и закладывает вместо закона в свою схему рационального объяснения. Подробно концепция Дрея освещается в работе: Порк А. А. Историческое объяснение. Таллинн, 1981.

ных принципов формируется новая онтологическая схема, и уже последняя через отбор и организацию исторических фактов приводит к новой интерпретации истории.

Например, бихевиористский принцип «стимул—реакция» объяснения поведения животных и человека явно послужил одним из главных элементов нормативного базиса исторической теории А. Тойнби, трансформировавшись в онтологической схеме этой теории в закон «Вызова и Ответа», основной источник исторического развития человечества³⁰.

Такое понимание механизма междисциплинарного взаимодействия позволяет рационально объяснить и существование различающихся и альтернативных исторических теорий, базирующихся на совпадающем в основном фактологическом материале. Традиционный подход к пониманию сущности теоретического как к обобщенной записи данных наблюдения (так называемая стандартная модель научной теории)³¹ не давал возможности обосновать легитимность подобных теорий и приводил к парадоксу: истинными следовало бы признать все исторические теории, базирующиеся на фактах, хотя бы они и давали противоположное объяснение этих фактов.

А все дело в том, что двухмерные модели научной теории типа отмеченной стандартной модели не учитывают другие детерминанты (кроме фактов), лежащие в основе научного знания. Междисциплинарная модель научной теории, разработанная автором данной статьи, эту детерминацию отражает: в данном конкретном случае причиной появления альтернативных исторических теорий выступают их различающиеся нормативные базисы, под влиянием которых формируются соответствующие онтологические схемы.

Источником расхождений может выступать и конструкционный базис, хотя это и не очень характерно для истории (в отличие от физики). Так, историк, применяющий при работе с фактологическим материалом методы математической статистики, может придти к другим выводам, чем историк, применяющий дифференциальное исчисление или не применяющий никакого³².

Во всяком случае не подлежит сомнению, что при анализе исторической теории следует учитывать все детерминанты, влияющие на ее формирование, и что существенные изменения в одном из компонентов (нормативном, конструкционном, фактологическом базисах, в правилах оперирования) влекут за собой перестройку теории в целом, а основным источником таких изменений, как уже отмечалось, является междисциплинарная диффузия. Что же касается вопроса об истинности исторической теории, то он решается как бы на трех уровнях.

Во-первых, нужно оценить истинность самих фактов, из которых состоит историческая теория. Такая проверка может показать, что факты, полученные из данных источников посредством данных правил оперирования, искажены или фальсифицированы как вследствие фальсификации самих источников (напр., документы, фиксирующие признания обвиняемых по делам «саботажа», «вредительства», «антисоветских центров»), так и вследствие сознательной «подгонки» правил оперирования с тем, чтобы получить заранее требуемые результаты (напр., «факты» неуклонного роста благосостояния, производства и производительности труда получаются благодаря манипулированию статистическими методами³³). Понятно, что в этом случае не выдерживает критики теория в целом и нужна ее коренная перестройка.

³⁰ См.: *Touhbee, A. A Study of History*. Oxford, etc., 1979, I. См. также: *Уотсон Дж. Б. Бихевиоризм // Хрестоматия по истории психологии*. М., 1980. 34—37.

³¹ См.: *Suppe, F. The search for philosophic understanding of scientific theories*, 6—61.

³² Подробнее о количественных методах истории см.: *Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования*. М., 1987, 281—325.

³³ См., напр.: *Селюнин В., Ханин Г. Лукавая цифра // Новый мир*, 1987, № 2, 181—201.

Во-вторых, необходимо оценить отбор и организацию фактов в данной исторической теории. Если окажется, что определенные факты замалчиваются, а связи между другими фактами сознательно искажаются (примеры читатель легко подберет сам), то опять же налицо «подгонка» фактологического материала к заранее требуемым результатам, или насилие над исторической истиной.

Наконец, в-третьих, если отсутствуют искажения, отмеченные выше, т. е. мы имеем дело с историческими теориями, построенными в соответствии с признанными стандартами научности, но приводящими к альтернативным выводам относительно причин и результатов конкретных исторических событий, то необходимо подвергнуть междисциплинарному анализу состав нормативного базиса каждой теории. Если окажется, что данная историческая теория базируется на некоторых научных или философских концепциях, опровергнутых в различных областях науки и практической деятельности, то можно поставить под сомнение и другие результаты указанной теории.

Например, идея определяющей роли материальных условий в историческом развитии человечества, выраженная в известной марксовской формуле «бытие определяет сознание», получила всеобщее признание и послужила исходным пунктом развития не только марксистского общественнознания, но и социологии в целом, особенно социологии познания. Зависимость между материальными условиями существования и сознанием народных масс демонстрирует вся история, в том числе и новейшая. На уровне индивидов неоспорима зависимость психики от нейрофизиологического субстрата: по данным современной науки, большинство депрессивных состояний психики обусловлено дефицитом нейротрансмиттеров, вырабатываемых организмом³⁴. Поэтому исторические теории, опирающиеся на идеалистический принцип всеобщего приоритета сознания в историческом развитии, по меньшей мере односторонне освещают изучаемые события, поскольку исключают из рассмотрения глубинные связи между деятельностью людей и материальными условиями этой деятельности³⁵.

Подводя итоги, отметим, что появление альтернативных исторических теорий обусловлено одновременным функционированием в общественном сознании целого ряда конкурирующих научных и философских концепций, что, как известно, связано с многоуровневым строением реальности и соответствующим многоступенчатым процессом познания сущности³⁶. Развитие исторической науки тесно связано с развитием других наук и материальной практики человечества, а механизмом этих связей служит междисциплинарная диффузия. Компонентный анализ структуры исторических теорий позволяет раскрыть междисциплинарную природу исторического знания и тем самым способствует решению методологических проблем исторической науки.

³⁴ New Directions in Psychohistory, 55.

³⁵ Материальная детерминация в данном случае имеет многоуровневый, комплексный характер, т. е. включает физико-химические, экологические, биологические, социально-экономические и др. закономерности. Подробнее об этом см.: Уйбо А. С. Реконструкция исторического прошлого.

³⁶ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., 29, 227.

Представил Я. Ребане

*Институт философии, социологии и права,
Академии наук Эстонии*

Поступила в редакцию
26/XII 1989

AJALOOTUNNETUSE METODOLOOGILISTE PÕHIPROBLEEMIDE INTERDISTSIPLINAARSEST ISELOOMUST

Artiklis esitatud ajalootunnetuse metodoloogia interdistsiplinaarne mudel põhineb kahel eeldusel: 1) tänapäeva ajalooteadus on üks võrdseid teadusdistsipliine teiste hulgas ja on võimeline saama resultate, mis vastavad üldistele teaduslikkuse nõuetele; 2) teadusliku ajaloouurimise tulemuseks on spetsiaalvormis teaduslik teooria.

Siinses kirjutises käsitletakse teooriat avaras mõttes kui hierarhiliselt organiseeritud struktuuriga süsteemi; teooria teke ja funktsioneerimine sõltub mitmetest suhteliselt iseisvatest determinantidest. Teadusliku teooria struktuursed komponendid on faktoloogiline, konstruktsiooniline ja normatiivne baas, opereerimisreeglid ja ontoloogiline skeem. Sõltuvalt tunnetuse objektist ja eesmärgist kerkivad esiplaanile ühed teooria komponendid, teised aga esinevad varjatud kujul. Loodusteadus on näiteks põhiliselt suunatud seaduste avastamisele, tema resultaat on ontoloogilise skeemi kirjeldus, tavaliselt võrrandite süsteemi näol. Ajalootunnetus, vastupidi, on suunatud faktide seose ja järgnevuse avastamisele. Ajalooteooriad sõnastatakse tavaliselt faktoloogilise baasi kirjeldustena, kusjuures ajalooteooria varjatud osaks on selle ontoloogiline skeem ja teised komponendid. Samuti nagu loodusteadusliku teooria ontoloogilise skeemi saamiseks ja kontrollimiseks on vajalik kõigi teiste teooria komponentide kasutamine, on see vajalik ka ajalooteooria faktoloogilise baasi saamiseks ja kontrollimiseks, s.t. mõlemal juhul on tegemist ühesama tunnetusliku vormi rakendamisega. Seepärast ei saa ajalootunnetuse spetsiifikat pidada teguriks, mis takistab ajalooteaduse interdistsiplinaarset seost teiste teadusaladega.

Interdistsiplinaarsuse põhivormiks ajalooteaduses on teiste teaduslike teooriate elementide sissetungimine ajalooteooriate struktuuri ehk interdistsiplinaarne difusioon, mis kulgeb ajalootunnetuse kõikidel tasanditel. Alternatiivsete ajalooteooriate tekkimine on tingitud mitmete konkureerivate filosoofiliste ja teaduslike teooriate üheaegselt olemasolust ühiskonnas, sealjuures võib igaüks neist mõjutada ajaloo rekonstrueerimist. Ajalooteaduse areng on tihedasti seotud teiste teaduste ja materiaalse praktika arenguga; selle seose põhimehhanismiks ongi interdistsiplinaarne difusioon.

*Eesti Teaduste Akadeemia
Filosoofia, Sotsioloogia ja Õiguse Instituut*

Toimetusse saabunud
26. XII 1989

ON THE INTERDISCIPLINARY NATURE OF THE MAIN METHODOLOGICAL PROBLEMS OF HISTORICAL KNOWLEDGE

The interdisciplinary model of the methodology of history suggested by the author is based on two premises: (1) contemporary historical knowledge is one of the equal disciplines capable of giving results that meet the universal demands of science; and (2) the results of historical research may be described as historical theory, a special form of scientific theory.

Theory in this case is considered as a cognitive system with a hierarchically organized structure; the genesis and functioning of the theory depend on some relatively independent determinants. The structural components of a scientific theory are: the factological, constructional and normative bases, the rules of operation and the ontological scheme. Depending on the object and aims of investigation some of these structural components can be of prime significance, while others remain latent.

The natural sciences are orientated mainly to the discovery of laws and their findings may be considered as descriptions of ontological schemes, usually presented in the form of the systems of equations. On the contrary, the historical knowledge is orientated to the discovery of the sequences of facts, historical theories are usually formulated as descriptions of the factological basis, and the latent part of the theory is formed by its ontological scheme and other components. But just as the use of all other components of this theory is necessary in receiving and verifying the ontological scheme of a scientific theory, it is also necessary in receiving and verifying the factological basis of a historical theory, i.e. in both cases the same cognitive form is applied. Therefore, the specific character of historical knowledge cannot be considered as an obstacle for its interdisciplinary reciprocity with other scientific disciplines.

The main form of interdisciplinarity in historical knowledge is the penetration of elements of other scientific theories into historical theories, i.e. interdisciplinary diffusion. This process takes place on every level of historical cognition, starting with the decoding of the information of the historical sources. The truth of every historical fact depends not only on historical sources, but on the premises of interdisciplinary origin used. The problem of a historical fact is mainly that of discovery, adaptation and application of the new interdisciplinary methods when working with the historical sources.

The so-called non-source-based knowledge which is used for historical reconstruction and which is considered in this article as the normative basis of historical theory has also an interdisciplinary origin. Only such prepositions the truth of which is recognized in corresponding scientific disciplines should be part of this normative basis; through this channel the theoretical results of the contemporary scientific cognition penetrate into historical theory. However, values, ideals, the truth of common sense, etc. should be eliminated since their application as elements of normative basis leads to the distortion and falsification of history.

But the principles, laws and other findings in themselves cannot influence the reconstruction of the historical past. Instead, they influence through normative and constructional bases and rules of operation the formation of the ontological scheme by which the historical facts are organized into a certain system — into a historical theory. Such understanding of the mechanism of the interdisciplinary interaction enables to explain rationally the origin and existence of alternative historical theories based mainly on the coinciding of factological data. The sources of divergence are differences in other components of the theory, which leads to the lack of convergence of the ontological schemes and theories as a whole.

In general, the existence of the alternative historical theories is determined by simultaneous circulation in the society of a number of competitive philosophical and scientific theories, each of them able to influence the reconstruction of the historical past. The progress of historical knowledge is closely connected with the progress of other disciplines and material practice, the interdisciplinary diffusion being the main mechanism of such connection.

*Estonian Academy of Sciences,
Institute of Philosophy, Sociology and Law*

Received,
Dec. 26, 1989